Убийца манекенов

Автор:
Инна Бачинская

Убийца манекенов

Инна Юрьевна Бачинская

Детективный триумвират #2

Дима влюбился в Лидию. На всю жизнь, страстно, жертвенно. Прожив до двадцати семи лет в полном одиночестве, он созрел именно для такой любви… Лидия собиралась уйти от мужа, но ее останавливала мысль о деньгах. Красивая жизнь стоила дорого, а некрасивой она не хотела… Перед Новым годом они с Димой расстались: думали – на несколько дней, оказалось – навсегда…

Праздничный бал в мэрии был в самом разгаре. Гости самозабвенно веселились, только бизнесмен Юрий Рогов беспокоился – он никак не мог найти свою жену… Она лежала на полу под лестницей. Шею Лидии перетягивал длинный блестящий шарф, красный, в тон платью.

Мертвая женщина была прекрасна… Как манекен в вечернем наряде, который недавно кто-то повесил на дереве у разбитой витрины бутика в самом центре города…

Инна Бачинская

Убийца манекенов

Действующие лица и события романа вымышлены, и любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Глава 1

Двое в снегопад

Падал снег. А в саду мэйхуа,

Как всегда, в эту пору цвела.

Помню, веточку алых цветов,

Захмелев, я в прическу вплела.

Но осыпались эти цветы…

Ли Цын Чжао. Из сборника «Строки из граненой яшмы»

Они брели по заснеженному пустому парку, взявшись за руки. Было время недолгих зимних сумерек перед наступлением ночи, и Полярная звезда уже зажглась в перламутрово-синем, светлом еще небе. Она пульсировала, выпуская и втягивая острые сверкающие лучи-колючки, и казалось, что там, в вышине, притаилось диковинное живое существо – космический еж. Подмораживало. Снег хрустел под ногами. Безмолвно стояли черные деревья вокруг. Посверкивали редкие снежинки в свете фонарей.

– Замерзла? – спросил мужчина.

– Немного, – ответила женщина. – Димочка, мне нужно возвращаться. – Голос у нее был виноватый.

– Уже? – Он остановился, притянул ее к себе, уткнулся лицом в воротник шубки и втянул в себя аромат знакомых духов. От тепла его щеки на воротнике растаяли снежинки.

– Да. Он приезжает в восемь, мне нужно быть дома. – Она осторожно высвободилась, погладила его по щеке и спросила: – Ты что, плачешь?

Он поцеловал пальцы женщины, скользящие по его лицу.

– Я люблю тебя, – сказал он ей в ладонь. – Ты даже не представляешь, как я тебя люблю. Да, я плачу, и мои слезы смешиваются со снегом. Ты заметила, что вокруг снегопад?

– Заметила, сейчас нас засыплет, мы умрем вместе в один день и час, и нас найдут только весной. Не выпускай меня, слышишь?

– Не выпущу. Я не хочу, чтобы ты уходила, не хочу расставаться с тобой. Я не желаю умирать всякий раз, когда ты уходишь, мучиться, представляя тебя с ним…

– Потерпи еще немного. Я скажу ему… Я скажу, что требую развода и не люблю его больше. В январе. После Нового года. А ты заканчивай свой роман, только имей в виду, надо, чтобы там был счастливый конец. Никаких внезапных смертей, никаких аварий, разлук, ураганов и падения метеоритов. Пусть будет банальный хеппи-энд и торжествует любовь. И пусть бредут они вдоль кромки прибоя по бесконечному пляжу и подбирают кусочки бирюзы с белого песка. И крик чаек пусть будет. И яркие звезды в низком черном небе. И шипение волн, накатывающих на песок. И далекая музыка с проплывающего парохода.

– Я никогда не был на море. Я вообще нигде не бывал.

– Мы поедем на море. Мы будем путешествовать. Ты напишешь много книг, про нас тоже. Мы станем богатыми. У нас родятся трое детей. Два мальчика и девочка. – Она повторяла то, что говорила уже много раз, прижимаясь к его груди, слыша, как гулко бьется в ответ его сердце.

– Может, зайдем в «Сову»? – спросил умоляюще он. – Хоть на полчаса…

– Димочка, честное слово, не могу. Если я не появлюсь дома, разразится страшный скандал. Я боюсь его. Он что-то подозревает, выспрашивает, где я была, с кем. Первый хватает трубку телефона… Ты мне не звони, ладно? Не

стоит дразнить его раньше времени. И на мобильник не звони. У нас все праздники будут гости, я даже не смогу с тобой поговорить. Ну-ну, Димочка… пожалуйста, а то я сейчас заплачу. Мне плохо с ним, ты же знаешь… Он грубый, жестокий, примитивный. Просто животное. Я не хотела тебе говорить… Он ударил меня… – Женщина начала всхлипывать.

– Я убью его! – Мужчина сжал кулаки.

– Глупый, – говорит она, улыбаясь сквозь слезы. – Никого не надо убивать. Я просто уйду от него.

– Когда?

– Скоро. Совсем уже скоро.

– Почему нельзя прямо сейчас? – спросил он в тысячный раз. – Ты можешь жить у меня!

– В твоей квартирке? Без денег? Нет, Димочка, сначала он отдаст мне все, что должен. А потом я уйду. Не раньше. У меня уже есть адвокат. Потерпи еще немножко, – в тысячный раз ответила она.

– Сколько?

– Месяц! Всего-навсего.

Он говорил тоном капризного ребенка, стоящего у витрины детского магазина и выпрашивающего новую игрушку. Она – голосом терпеливой матери. Они познакомились три недели назад на выставке местного художника Николая Башкирцева в краеведческой галерее городского исторического музея. Потом пошли пить кофе в кафе через дорогу. Выставка была так себе, и от работ Башкирцева они перешли на проблемы искусства вообще. Она побывала в Лувре и Британском музее, он никогда не выезжал за границу. Так складывались обстоятельства. Да и денег лишних не было. Вот когда выйдет его книга… Труд всей его недолгой жизни. Мысли об истории, цивилизации, будущем человечества. Его философия бытия.

Дмитрий Андронович Сотников – так его зовут – себе на жизнь зарабатывает литературной поденщиной. Четыре года назад он окончил факультет журналистики педагогического университета и с тех пор обрабатывает мемуары отставных военных и политиков, благо желающих много. Сейчас можно напечатать все, что угодно. Деньги на бочку – и пожалуйста! Тираж в тысячу экземпляров стоит три тысячи баксов. За удовольствие надписать собственную книгу его друзьям и знакомым не жалко отдать и больше. Конечно, платят Дмитрию за такую работу не бог весть сколько, но на жизнь хватает.

Она удивлялась его откровенности – Дима не пытался хвастаться и пускать пыль в глаза, не рисовался, не надувал щеки. В его готовности рассказывать о себе, ничего не утаивая, было что-то ребяческое. Она решила, что это от одиночества. И позже поняла, что не ошиблась. Он был одинок, этот бывший маменький сынок, воспитанный интеллигентной мамой-библиотекарем вдали от грязного и жестокого мира на сочинениях прекраснодушных просветителей с их утопиями и наивным футуризмом. Он был настолько чист, этот Дима Сотников, что производил впечатление человека слегка неадекватного или, скажем прямо, чокнутого. Он мог одолжить деньги первому встречному, положившись на обещание вернуть их в самом скором времени, а потом долго сокрушаться: «Бедный человек, не отдает! Видимо, бедствует». Мама его умерла год назад, и просто удивительно, что Дима до сих пор продолжает существовать. Друзей у таких мальчиков, как правило, не бывает. Не оказалось их и у Димы. Книги были его друзьями. Он неплохо писал, немного занудно правда, излишне входя в детали, чего современный читатель, воспитанный на литературной поп-се, не способен воспринять. Но его работодателям, людям немолодым и старомодным, нравилось.

Девушки у Димы тоже не было. В свои двадцать семь он… даже не знаю, как сказать… Он оставался девственником! Сколько раз, сидя ночами в Интернете, Дима собирался ответить какой-нибудь девушке, поместившей объявление в чате, но все не решался. Что-то останавливало его. Возможно, он был слишком не уверен в себе и боялся слишком активных особ, а потому все еще пребывал в ожидании, когда прекрасный случай пошлет ему девушку его мечты. Разумеется, девушка жила в Диминой мечте, и он относился к ней как к живой. Они часто разговаривали о всяких важных вещах, читали книги и даже ссорились иногда. Звали ее Мария.

Обо всем этом, кроме Марии, разумеется, Дима выложил своей новой знакомой. После чего спохватился, что до сих пор не знает, как ее зовут. Ее звали Лидией.

«Лидия?» – изумился простодушный Дима. Очень редкое имя – несовременное, нежное, тонкое, как бабушкины кружева. Она рассмеялась – у Димы было богатое воображение и поразительная способность соединять в сравнениях самые неожиданные предметы. Имя тонкое, как бабушкины кружева. Кто еще, спрашивается, мог бы так сказать в наше время?

В тот первый раз они пили кофе в «Белой сове», а потом Дима отправился провожать Лидию домой, на другой конец города. Он рассказывал ей о своих старичках, диктующих мемуары, о собаке Юльке, которая появилась у него после смерти мамы. Юлька беспородная, Дима нашел ее в собственном дворе в прошлом году, зимой. Она маленькая, похожа на лисичку, умеет смеяться – у нее замечательное чувство юмора. Он много говорил о своей книге. Лидия молчала, была печальна и думала неизвестно о чем. Вдруг остановилась и сказала:

– Дима, дальше я пойду одна. До свидания! – И протянула руку в тонкой перчатке.

– Почему? – удивился он.

– Нас не должны видеть вместе, я замужем.

– Как замужем? – растерялся молодой человек.

Лидия рассмеялась:

– Женщины часто бывают замужем, Дима. У меня семья – муж, экономка, два кота-сиамца, Мымрик и Лешик.

Дима смотрел на нее взглядом обиженного ребенка. Она рассмеялась, сняла перчатку и погладила его по щеке теплой ладонью:

– Не грустите, Дима. Если хотите, можем погулять когда-нибудь. Я редко бываю на воздухе, не с кем. Позвоните мне…

Она порылась в сумочке, достала крошечный блокнотик и ручку. Нацарапала номер мобильного телефона, вырвала страницу и протянула молодому человеку. Дима старательно спрятал листок во внутренний карман пиджака.

Он шел домой, не чуя под собой ног, полный радости, невнятных надежд и ожиданий. Возвращался в свой спальный район у черта на куличках. Шел и разговаривал вслух сам с собой. Продолжал диалог с замечательной женщиной.

– Лида, Лидочка, Лидонька, – говорил он, пробуя на язык необычное имя. – Я обязательно почитаю вам свою книгу. Ее никто еще не видел. Вам первой…

Ему никогда не встречалась женщина по имени Лидия. Сейчас никто не называет так новорожденных девочек. У него на курсе учились одна Мишель и две по имени Николь, но ни одной Лидии. Ли-ди-я… Звук капели, треньканье металлических креплений на флагштоке, эхо в колодце. Удивительное имя!

Дима влюбился в Лидию. На всю жизнь, страстно и жертвенно. Дожив до своих двадцати семи и пребывая в полном одиночестве и в состоянии некоторой социальной летаргии, он созрел именно для такой любви – светлой, прекрасной и на всю жизнь. «Вы верите в любовь с первого взгляда?» – спросила девушка по имени Гуттиэре у человека-амфибии из популярного когда-то романа известного писателя-фантаста. «А разве есть другая любовь?» – ответил тот. Дима ответил бы точно так же. А разве есть другая любовь?

Он пришел домой. Заждавшаяся Юлька бросилась под ноги. Дима взял собачку на руки, сел на диван и рассказал ей про Лидию.

После этой встречи все приобрело новый смысл. Кофе, бутерброд, овсянка, мемуары генерала Крымова, Интернет, труд всей жизни о смысле бытия – все это уже не было прежним. Смысл жизни стал другим. Любовь окрасила его в оптимистичные розовые тона.

Он позвонил Лидии утром следующего дня, с трепетом прислушиваясь к длинным пронзительным сигналам телефона. Она ответила – и это было чудом! Она не потерялась в большом городе, не исчезла. Она не приснилась ему. Она существовала!

– Да-а, – произнесла она протяжно, – слушаю.

– Это я, – прошептал Дима. Голос отказал ему. Он откашлялся и повторил громче: – Это я, Дима.

– Доброе утро! – рассмеялась Лидия. – Как поживают мемуары?

– Хорошо. Мы не сможем увидеться сегодня? – Он репетировал эту фразу со вчерашнего вечера.

– Сможем, – ответила Лидия и снова рассмеялась.

Они увиделись в тот же день. И на следующий. И на следующий после следующего. Бродили всякими закоулками, чтобы не попасться на глаза знакомым Лидии, и по заснеженному парку. Замерзнув, бежали в «Белую сову», ее любимое кафе. Диме страшно хотелось спросить, с кем она приходила сюда раньше, но он не посмел. А кроме того, боялся обидеть ее. Лидия пила кофе без сахара, но с ликером «Амаретто», Дима – с сахаром и сливками, с бутербродом или большим пряником.

– Лидия, ты изумительная женщина, – говорил Дима, глядя ей в глаза, тая от нежности и удерживая ее руки в своих. – Ты необыкновенная, ты замечательная, красивая, ты самая… чудесная. – Его любовь выражалась словами, иначе он не мог. Он ласкал ее словами и интонацией.

Через неделю после знакомства Лидия пришла к нему домой.

– Очень холодно, – сказала она по телефону. – Хочешь, я приеду к тебе?

Дима потерял дар речи. Как часто он мечтал, что Лидия придет к нему, он снимет с нее шубку, проводит в гостиную, усадит на диван. Сядет рядом, возьмет ее за руку… Или нет, сядет на пол у ее ног… Фантазия, обычно такая богатая на бумаге, буксовала. Мелькали неясные картины из виденных фильмов – объятия, поцелуи, альковные сцены, от которых впору было потерять сознание или умереть на месте.

Он беспокойно шагал по квартире до самого ее прихода, не в силах сидеть спокойно или читать. Юлька внимательно следила за ним из кресла. Раскрытая

книга лежала на журнальном столике, мемуары генерала Крымова сиротливо ютились на письменном столе, а он все шагал от окна до прихожей и обратно. Сердце его колотилось, стремясь выскочить из груди, губы пересохли, щеки пылали румянцем.

Мелодичный звук дверного звонка показался ему оглушительным. Он выскочил в прихожую, непослушными руками распахнул дверь. Лидия вошла… такая холодная с мороза, пахнущая своими нежными и горькими ванильными духами, и Дима совсем потерял голову. Он обнял Лидию так сильно, что она вскрикнула. Приподнялась на цыпочки, протянула ему губы… Дима припал к ее рту и задохнулся в обжигающем поцелуе.

– Подожди, – шептала Лидия между поцелуями, – подожди, дай раздеться… Подожди, дурачок…

Он снял с нее шубку и шарфик, положил, не глядя, мимо трюмо. Потом подхватил ее на руки и, ничего не видя, кроме Лидиного прекрасного лица, спотыкаясь, принес ее в гостиную и положил на диван. Она улыбаясь смотрела на него. Он опустился рядом, и Лидия притянула его к себе.

– Не торопись, сейчас, сейчас, – шептала она, помогая ему стянуть свитер, расстегивая пуговички своей блузки… освобождаясь от лишних одежек. – Сейчас, мой мальчик, сейчас, мой славный… вот так…

Дима почувствовал, как его тряхнуло словно электрическим разрядом, и перестал быть на долгую секунду. Со всхлипом втянул воздух, приходя в себя. Лидия порывисто вздохнула рядом.

– Димочка, ты… у тебя… никого не было? – прошептала она, и ее губы пощекотали Димино ухо.

– Я ждал тебя, – ответил он, засмеявшись, и собственный голос показался ему чужим. – Я люблю тебя. Если бы ты только знала, как я люблю тебя! Не плачь, Лидия!

Она ушла поздно, не позволила проводить себя, сказала, что возьмет такси.

– Я люблю тебя, – повторил Дима, целуя ее в прихожей.

– Я люблю тебя, – вторила ему Лидия, отвечая на поцелуй. – Отпусти меня, а то я останусь здесь навсегда. Ты мое чудо!

Лидия пришла еще раз, и они провели в постели весь день, вставая лишь перекусить всякими деликатесами, которые она принесла с собой.

– Выходи за меня замуж, – сказал вдруг Дима.

– Не так-то это просто, – ответила Лидия, не удивившись.

– Ты же не любишь его, – настаивал Дима.

– Не люблю, – согласилась Лидия.

– Тогда почему?..

– Деньги, – ответила она честно. – У меня нет профессии, на что мы станем жить?

– Я буду писать книги. Детективы

– Дурачок, – сказала она нежно, прикасаясь пальцами к его губам. – Ты совсем еще дурачок. Иди ко мне, люби меня, я хочу тебя снова!

Диме казалось, что от ее слов мир опрокидывается и стоит на руках, дрыгая в воздухе ногами. Его захлестывало тяжелой горячей волной, причинявшей одновременно и восторг и боль.

– Я разведусь с ним, – сказала Лидия однажды. – Ты прав, это не жизнь. Ты действительно делаешь мне предложение? Я же старше тебя.

– Я делаю тебе предложение. Я люблю тебя. Это я старше, потому что я мужчина.

– Спасибо тебе, Димочка, – сказала Лидия. – Спасибо. Я не думала, что можно так любить. Ты меня любишь?

– Я тебя люблю. Нам не нужны деньги. Уходи от него скорее.

– Нам нужно много денег, ты ничего не понимаешь в жизни. Красивая жизнь стоит дорого. А некрасивую я не хочу.

– У нас и так будет красивая!

Лидия не могла вырваться из дома долгих пять дней. Дима чуть не сошел с ума. Ему казалось, что с ней случилось нечто ужасное. Он звонил ей каждые пять минут, но телефон не отвечал, и автоответчик был отключен. Он бродил вокруг дома, пытаясь угадать, где ее окна. Через пять дней она позвонила, но прийти к нему не смогла. Они встретились около парка. С белесых небес сеялся мелкий дождь, снега не осталось и в помине. Лидия была подавлена, печальна. Дима едва не плакал от огорчения и страха.

– Ты мне не звони, – сказала она. – Я позвоню тебе сама. Мы встречаем Новый год вместе с… ним, в мэрии. Потом у нас будут гости, я не смогу даже поговорить с тобой. Я позвоню сама.

– Когда? – спросил Дима.

– Четвертого или пятого января.

– Что случилось? – спросил он снова. – Я же вижу, что-то случилось.

– Мы поговорили, – неохотно призналась Лидия. – Это оказалось тяжелее, чем я думала. Ну, ничего, все будет хорошо. Димочка, не провожай меня. Я возьму такси. С Новым годом тебя! Будь счастлив.

Она поцеловала его в щеку, он обнял ее, она пробормотала едва слышно:

– Я виновата перед тобой, Димочка… – И, не оглядываясь, пошла из парка.

Дима видел, как она помахала проезжавшей машине. Та притормозила у тротуара, Лидия уселась сзади и уехала. Он остался один, недоумевающий и разочарованный. Дотронулся до лица, смахивая капли дождя, и медленно побрел домой.

У дома сидели на скамейке четыре или пять шарообразных старух – дворовый Страшный суд. Укутанные во всякие теплые одежки, они лузгали

семечки и перемывали кости соседям. «Добрый вечер, Димочка!» – окликнула его одна из них, старушечий вожак. Дима скользнул по ним взглядом и молча скрылся в подъезде. Не потому, что он не любил их или презирал, просто мысли его были заняты Лидией, и он забыл, что нужно поздороваться.

– Совсем плохой стал, как мать померла, царствие ей небесное, – вздохнула старуха. Подружки покачали головами, соглашаясь.

– К нему женщина ходит, – сказала баба Поля. – Красивая, в шубе до пят. Постарше его будет.

– Может, материна подруга? – предположила баба Стеша.

– Как же, подруга, – фыркнула баба Поля. – От мужа гуляет! Димка парень холостой, чистый, видный из себя, чего не погулять!

– О-хо-хо, девки, в наше время не так было, мы себя блюли. Муж – хозяин, все вокруг него крутилось.

– Ну и чего хорошего? – возразила продвинутая баба Поля. – Он, паразит, пил и гулял, а ты с дитем сидела! И слава богу, что баба теперь самостоятельная стала. И не нужен он, ирод! И дитенка без него заводит, и деньги заробляет. И удовольствие получает, вот как эта, Димкина. А у меня, когда мужик лез, одна думка была – как бы не залететь. И никакого удовольствия. Даже вспомнить тошно.

– И то, – согласилась баба Стеша. – Может, оно и так.

И долго еще сидели они, вспоминая старую жизнь, сравнивая ее с новой. Пока не замерзли. Прощались, как будто расставались навсегда.

– Ой, девочки! – вдруг вспомнила баба Поля. – У меня ж стюдень на огне стоит! Выкипел, поди, весь!

Как молодая она помчалась вверх по лестнице. За ней разошлись и остальные.

Глава 2

Зачем убивать манекен?

Холодная зимняя ночь опустилась на город. Он искрился огнями в преддверии Нового года. На площади стояла громадная елка, сверкающая украшениями, серебряным и золотым дождиком, разноцветными гигантскими фонариками. Двухметровый Дед Мороз устрашающей наружности с красным носом и увесистым мешком за плечами строго смотрел на прохожих сквозь круглые очки. Рядом с ним стояла улыбающаяся Снегурочка в голубом наряде, усыпанном блестками. Вокруг елки прохаживался полицейский в тулупе.

К ночи поток зевак на площади иссяк. Стало подмораживать, и посыпался легкий невесомый снежок. Страж порядка топал валенками и по-извозчичьи охаживал себя по бокам руками в больших рукавицах. Часы на здании мэрии пробили двенадцать. Потом час. Город опустел.

В витринах магазинов стояли сверкающие искусственные елки, румяные деды-морозы, нарядные снегурочки и всякая звериная мелочь. Человек в черной куртке и вязаной шапочке, натянутой до бровей, остановился перед витриной бутика «Арлекино». Некоторое время он рассматривал сцену новогоднего бала: елку в глубине витрины и танцующих на ее фоне механических людей – мужчину в смокинге и даму с очень прямой спиной, в длинном бирюзового цвета платье. Две другие дамы в черном и белом вечерних туалетах, щедро увешанные блестящей бижутерией, застыли по бокам, глядя на танцующих. Одна из дам держала в руке фужер с шампанским. Отчетливо были видны пузырьки воздуха в золотистом пластике. Днем куклы оживали и медленно кружились под звуки

вальса, покачивая головами. Сейчас игрушки были выключены. Неподвижные, почти в человеческий рост, фигуры застыли с поднятыми руками и неестественно повернутыми головами. Рты их улыбались, невидящие глаза смотрели в пространство.

Человек огляделся по сторонам. Улица была пустынна и тиха. Снег, посверкивая в свете неяркого уличного фонаря и скрадывая звуки ночного города, летел с белесых небес. Он уже покрыл тротуар, деревья, крыльцо магазина. Человек перевел взгляд на витрину. Протянул руку и потрогал стекло рукой в кожаной перчатке. Снова оглянулся и вытащил из-под куртки металлический ломик. Размахнулся и коротко и сильно ударил. Негромко зазвенело разбитое стекло. От круглого отверстия побежала паутина трещин. Человек размахнулся и ударил еще раз. Беззвучно посыпались в снег осколки. Он ударил еще и еще. Когда отверстие стало достачно большим, сунул руку по плечо внутрь и схватил за руку манекен в черном платье, стоявший справа. Опрокинув его, он попытался вытащить куклу через дыру в стекле. Острые края дыры разрезали рукав куртки и, видимо, поранили его. Он вскрикнул негромко, но продолжал тянуть добычу. Через несколько секунд ему удалось вырвать исцарапанный манекен в разорванном платье наружу. Он оглянулся и замер. Казалось, он прислушивается к едва слышным далеким городским шумам или раздумывает над чем-то. И вдруг он стремительно побежал к дереву на краю тротуара. Движения его были поспешны, но точны. Он опасался появления патрульной машины и хотел успеть до ее появления сделать то, что задумал. За ним по снегу тащился длинный блестящий шарф. Прислонив манекен к дереву, человек стал завязывать петлю на конце шарфа. При этом он бормотал что-то себе под нос и все время озирался. Покончив с петлей, он сунул в нее голову манекена и туго затянул. Другой конец шарфа перекинул через нижнюю ветку дерева и резко дернул, подтягивая манекен кверху. Закрепляя, несколько раз обмотал свободный конец шарфа вокруг ветки. Манекен висел, поворачиваясь вокруг собственной оси, до кошмара похожий на человека. Светились в полумраке обнаженные руки и плечи. Невидящие глаза смотрели в небо, красный рот расплылся в бесмысленно-радостной улыбке. Снежинки белесой пеленой оседали на черном платье.

Человек протянул руку и дернул «молнию». Манекен закачался сильнее и как живой вывернулся из-под его руки. Он все дергал молнию, придерживая куклу другой рукой, но застежку заклинило. Раздался треск ткани. Человек застыл и прислушался – ему показалось, что он слышит шум мотора. Он отскочил, подобрал ломик и отбежал за угол. Остановился и оглянулся. Манекен покачивался на дереве как гигантская елочная игрушка, посверкивая блестками

на платье. В конце улицы, слепя огнями, показался черный джип. Мужчина нырнул за угол и помчался. Пробежав до конца квартала, свернул за угол, потом еще раз и еще. Наконец остановился и прислонился к стене дома, выравнивая дыхание. Сунул руку под куртку, потрогал раненое плечо. Поморщился от боли. Внимательно рассмотрел кровь на ладони. Постоял еще немного, поправил под курткой ломик и, не торопясь, пошел к городской площади.

Черный джип резко затормозил около магазина. Из него высыпали люди частного охранного агентства «Сокол». Рослые секьюрити столпились у разбитой витрины. Старший присвистнул. От удара по стеклу сработала не только сигнализация. Включились механические куклы, и заиграла му-

зыка – сентиментальный медленный вальс. Жутковатая пара в вечерних нарядах кружилась в танце, правда не так слаженно, как прежде. Движения кукол стали дергаными и не попадали в такт мелодии. Легкий сквозняк шевелил платье женщины-манекена.

Четверо парней стояли перед разбитой витриной, глядя на танцующую пару и испытывая оторопь. Хотя они не боялись ни бога, ни черта и за свою жизнь прошли через многое и всякого навидались. «Твою мать!» – старший сплюнул сквозь зубы. Один из бойцов вдруг тронул его за плечо и указал на дерево на краю тротуара. Покачиваясь в свете неяркого фонаря, на дереве висел человек. Женщина в черном платье с блестками…

* * *

– Ничего там страшного не случилось. Какой-то псих разбил витрину магазина «Арлекино» на Пятницкой, шестнадцать, вытащил женский манекен и повесил на дереве.

Старший лейтенант Николай Астахов излагал события прошедшей ночи своему начальнику, подполковнику Леониду Максимовичу Кузнецову.

– Погоди, Николай, не торопись. Ты говоришь, некто…

– Я говорю «псих»!

– Допустим, – согласился Кузнецов. – Некто разбил витрину… Чем, кстати, он ее разбил?

– Скорее всего, ломом. Орудие найдено не было. Вероятно, преступник унес его с собой.

– Что взято?

– Ничего, кроме манекена. Да и он оставлен на месте преступления. Повешен на дереве.

– На чем повешен?

– На дереве, я говорю. А! На шарфе.

– Откуда взялся шарф?

– Хозяин сказал, что наряд на манекене не предусматривал шарфа. По всей вероятности, преступник принес его с собой. Этот псих зачем-то разбил витрину, вытащил манекен и повесил его. Ее то есть. Это была кукла-женщина. Если бы его застукали, он бы схлопотал лет пять за грабеж. Хотя на грабеж это не похоже. Он ничего не взял.

– А на что это похоже?

– А ни на что. Объект под охраной, патрульная машина приехала через девять минут. Его уже и след простыл. Только манекен качался на дереве. Следы, конечно, сразу затоптали. И снег шел. Я прибыл на место происшествия через двадцать пять минут. Там уже были хозяин магазина со своими людьми и ребята из патруля. Хозяин открыл магазин и отпаивал ребят водярой. Извините, водкой, так как они находились в состоянии стресса. Вид у повешенной был тот еще. И больше ничего не взято. То есть этот псих разбил витрину не для того, чтобы проникнуть в магазин. Со стороны витрины это просто невозможно, да и времени у него не хватило бы. Он разбил стекло, чтобы вытащить манекен и повесить его. Точка. Причем действовал преступник в спринтерском темпе. Похоже, спонтанно – увидел манекенов, они ему не понравились или, наоборот, понравились, он проломил окно и… так далее. Никто его не видел, он не торчал

перед витриной, не прогуливался, не примеривался… Я имею в виду, не попался никому на глаза.

Я прикидывал, сколько нужно времени, чтобы проделать все это, – получается минут десять. А он уложился в семь-восемь. К моменту прибытия патрульной машины и духу его там уже не было. Похоже, он действовал под влиянием сильного чувства. Возможно, в состоянии аффекта. И сделал именно то, что собирался. Разбил, вытащил и повесил. Я бы и дела заводить не стал. Хозяин претензий не имеет, говорит, страховая компания заплатит за стекло. А манекен сто?ит сущие пустяки. Платье практически не пострадало, только слегка повреждено на плече, видимо, осколками стекла. Психа этого мы вряд ли поймаем, да и стоит ли? Почему именно эта кукла… – Коля развел руками, – неизвестно. Чем-то она ему не понравилась. Может, похожа на жену или на школьную училку, которая доставала его в детстве. Кстати, он был в черном платье. Она, вернее.

– А орудие откуда? Этот тип его с собой носит? Обороняться от преступников во время ночных прогулок? Ты говоришь, Николай, это произошло в час десять ночи. В это время обычно не гуляют. В это время выходят из дома с заранее обдуманным намерением. И ломик прихватывают по тем же причинам. А шарф?

– Зачем нормальному преступнику вешать манекен? – ответил Коля вопросом на вопрос. – Причем с риском для здоровья? В спешке и без видимой пользы. Псих, поверьте моему опыту. Может, отпустили его перед Новым годом на побывку.

– Не знаю, Николай. Согласен, странная история. И это меня тревожит. Он очень спешил и тем не менее унес с собой ломик. Почему не бросил там же? Бежать с тяжелым орудием в руке опасно, можно нарваться на полицейский патруль. Значит, нужно было прятать его под одежду, терять время. Проще бросить. И шарф в кармане просто так не носят.

– Вы думаете, он ему еще понадобится? Ломик?

– Думаю, понадобится. Если это навязчивое состояние, то с одного раза оно не пройдет. Будут рецидивы.

– Хорошо, если манекены, – задумчиво сказал Коля, уловивший мысль начальника.

– Сплюнь, а то накличешь. Поговори еще раз с владельцем магазина… Кстати, как он называется?

– «Арлекино». Да, еще одно, совсем забыл. Ребята из охраны говорили, включился автомат, видимо от удара по стеклу, и они начали танцевать…

– Кто?

– Манекены. Вернее, механические куклы. Их в витрине было четыре. В центре танцующая пара и два манекена по бокам. Вытащили куклу справа, в черном платье. От удара включился автомат, и пара стала танцевать. Владелец магазина говорит, что в одиннадцать автомат отключается. Получается, он включился самостоятельно, когда этот урод ударил ломом по стеклу. Ребята говорят, просто обалдели. Ночь, ни души – и звуки медленного вальса! И механические куклы кружатся. Но что-то там у них заело, движения некоординированные, дерганые. Не успели бойцы в себя прийти, как увидели на дереве женщину в черном платье. Висит, покачивается. Блестит вся. Аж мороз по коже продрал. Думали, живая. То есть не живая, а труп. Когда я прибыл, они уже хорошо на взводе были. Говорят, чертовщина какая-то, никогда ничего подобного не видели. Все-таки нервная у нас работа, – задумчиво закончил Коля. – Теперь кошмары по ночам сниться будут. И Новый год на подходе.

– А Новый год при чем?

– Говорят, всякая нечисть под Новый год активизируется. Привидения там, домовые. Черти. Планета проходит через черную астральную полосу, сам по телику слышал. Правда, я не верю. Во всякую чушь верить – себе дороже. Но с другой стороны…

– Не нравится мне твое настроение, старший лейтенант, – перебил подчиненного Кузнецов. – Значит, так. Поговоришь еще раз с владельцем магазина. Возможно, ему угрожали, по телефону или письменно, расспроси о семье, партнерах по бизнесу, конкурентах, служащих, уволенных за последний год.

– Я спрашивал об угрозах. Это первое, о чем я спросил. Никаких угроз не было, никто не увольнялся. Ушла одна продавщица по причине выхода замуж. Остальные в магазине работают по несколько лет. Там их и всего-то восемь

человек. Я все ломал голову, почему он не просто разбил окно, то есть совершил хулиганский поступок. Это бы я еще понял. Но зачем вешать манекен? Это смахивает на предупреждение. Если он не псих, конечно. Или сигнал какой-то. Или месть. Или напоминание о чем-то, о долге например. Владелец «Арлекино», нормальный мужик, между прочим, сразу понял, о чем я. Нет, говорит, к сожалению, ничего не припоминаю похожего в своей жизни, понятия не имею, что означает подобный акт вандализма, никому ничего не должен, никакие мысли и ассоциации не приходят в голову.

– Поговори с работниками магазина. Я уверен, им есть что рассказать. Когда имеет место убийство, люди высказываются осторожно, а тут хулиганство и вандализм. Тут домыслов будет больше чем достаточно. Слушай и мотай на ус. Кстати, может, манекен какой-то особенный. Знаешь, есть такие, очень похожи на людей.

– Манекен – обыкновенный пластик, искусственные волосы, раскрашенное лицо. Владелец магазина говорит, и сто?ит-то всего ничего. Он даже акт в страховую представлять не будет. Пусть они хотя бы за окно заплатят. Стекло было новое, дорогое, с напылением. Недавно вставили, и года не прошло. Импорт.

– Поищи свидетелей по окрестным домам, Николай. Может, кто с собачкой гулял. Или бессонницей страдает и в окно смотрел. Слухами земля полнится. Задание ясно, старший лейтенант? Тогда выполняйте. Свободны.

Коля Астахов из кабинета начальника пошел сразу к себе. Настроение, радужное весь день по причине наступающего через три дня Нового года, медленно угасало. Дело с повешенным манекеном было достаточно нелепым, а по опыту Коля знал, что нелепые дела самые сложные ввиду отсутствия логики и смысла в поступке злоумышленника. На Новый год у них соберутся гости, и он обещал Ирке прийти сегодня пораньше, помочь по дому. Они помирились через три недели молчания после очередных семейных разборок, и в доме с утра царила идиллия. Даже возвращаться приятно. Ирка вся прямо засветилась, да и Клара, когда дома все в порядке, становится приветливее, не ворчит со своего кресла по любому поводу и охотнее выходит гулять, хотя терпеть не может холодной погоды. Клара – Колина собака, буль, со сложным характером старой девы. Она вечно недовольна, ворчит и волком смотрит на всех, кто приходит в ним в гости. Коля любит Клару, а Ирочка не обращает на нее никакого внимания. Клара, ревнующая Колю, платит ей тем же.

За три недели Коля и Ирочка соскучились и помирились сегодня утром, когда Коля сжег яичницу из трех яиц, которую готовил себе на завтрак. Вместо неуместной иронии Ирочка молча приготовила глазунью, как он любил, подала кетчуп, хлеб, масло, салфетки и сварила кофе. Коля оценил это и сказал: «Ирка, ну чего мы вечно собачимся?» Они помирились прямо на кухне и решили позвать друзей на Новый год, тем более что подружка Ирки Танечка Зыкова и Соловьевы, живущие с родителями, давно намекают. «Сумасшедший, – сказала Ирочка, вырываясь из Колиных объятий, – мне бежать надо, и не думай даже. Вечером!» И вот вместо вечера вдвоем ему предстоит опрос свидетелей, который, как предвидел Коля, может затянуться надолго.

Глава 3

Дима

Зинаида Константиновна, жена генерала Крымова, лежала в постели с температурой. Генерал, беспомощный, как ребенок, суетился на кухне, где ему было труднее, чем во время военных действий. Он уже разбил чашку, рассыпал на пол сахар и заварил чай в большой кружке, чего Зинаида Константиновна не одобряла. Это называлось «как в английских колониальных войсках». Чай получился очень крепкий, почти черный, и горький. Зинаида Константиновна колониальный чай пить отказалась и попросила горячего молока. И теперь перед генералом стояла задача, практически невыполнимая, – согреть молоко и донести его, не расплескав, до супруги. И тут пришел Дима Сотников. У них на сегодня был назначен сеанс мемуарного творчества.

– Дима, ты знаешь, как кипятить молоко? – спросил генерал, отпирая ему дверь. Был он озабочен, наряжен в пестрый фартук Зинаиды Константиновны, с полотенцем через плечо.

– Знаю, – ответил Дима. – Нужно стоять рядом и стеречь, чтобы не убежало. Здравствуйте, Владимир Герасимович. А где Зинаида Константиновна?

– Лежит с гриппом. Требует горячее молоко. Возьми бутылку в холодильнике и вскипяти. Емкость для кипячения молока найди сам. Задание ясно?

– Ясно, – ответил Дима. – Разрешите выполнять, товарищ генерал?

– Выполняй! Будешь сегодня старшим по пищеблоку. И мед поищи. Ты уже завтракал?

Дима задумался. Потом сказал:

– Нет, и не хочу.

– Надо! Чай будешь? Я тут заварил, хороший, цейлонский. Вот сыр, колбаса, булка. Как вскипятишь молоко для Зинаиды Константиновны, сразу сядем завтракать. Я тоже еще ничего не ел. Какая работа на голодный желудок. Всякий работник, как и солдат, должен первым делом быть накормлен.

– Димочка! – растрогалась Зинаида Константиновна, принимая чашку с молоком. – Спасибо, родной. Я бы и сама встала, да Володечка не велит. Мне вчера было худо, а сегодня уже получше. Ставь сюда, на тумбочку. Поешьте там, в холодильнике всего полно. И проследи, чтобы Володечка позавтракал.

Зинаида Константиновна была добродушная полковая дама, веселая, певунья, знающая толк в шутке. Кто-то, возможно, нашел бы ее простоватой, но она обладала качествами, бесценными для жены военного, – выносливостью, неприхотливостью и умением пускать корни в любую почву. Она не падала в обморок при виде крови, могла тяпнуть стакан-другой водки, петь и танцевать до утра и чувствовала себя хозяйкой везде, куда забрасывала их прихотливая военная судьба.

Она отпила из чашки, поморщилась – сладко. Поставила чашку обратно на тумбочку, прислушалась к звукам, долетавшим из кухни. Там Дима и генерал завтракали. Дима, весь в мыслях о Лидии, был рассеян, отвечал невпопад на вопросы хозяина дома. Или не отвечал вовсе.

– Ты, Дима, ешь, набирайся сил, – говорил генерал. – У нас работы непочатый край. Ты что-то рассеянный стал последнее время. И Зинаида Константиновна тоже заметила, говорит, не заболел бы Дима. А может, у тебя денег нет? Так ты скажи, мы ведь не чужие. Скоро Новый год, могу выдать аванс. Твое дело молодое. Подарок кому-нибудь или продукты купить. Шампанское.

– Спасибо, Владимир Герасимович, – ответил Дима. – Деньги у меня есть. Подарок я уже купил. И на продукты хватит.

– В гости идешь? Или к себе гостей ждешь?

– Жду, Владимир Герасимович. Женщину.

– Красивую? – заинтересовался генерал.

– Очень, – вздохнул Дима.

– Твоя дама сердца?

– Да!

– Ну что ж, дело хорошее. Но ты сразу ничего не решай, присмотрись лучше, – генерал стал учить Диму. – Сейчас же разводов больше, чем браков. Вот мы с Зинаидой Константиновной пятьдесят лет вместе. Я как училище закончил, так и женился сразу. Она меня три года ждала. Мы оба из Нижнего Тагила, слыхал? И с тех пор полвека уже вместе. Да разве мог бы я защищать рубежи нашей родины, если бы не надежный семейный тыл? И детей родили, Василия на Дальнем Востоке, а Петра в Таджикистане. Мы там на границе служили. Жара под пятьдесят, камень плавится, врача гюрза ужалила, а Зинаида Константиновна рожать надумала. А теперь рожать в Германию летают или в Англию. И в армии служить не хотят. А какой мужик без армии? Вот взять тебя, Дима, толковый парень, образованный, старательный, а сразу видать, пороху не нюхал. На что только не идут, чтобы от армии откосить. Смешно сказать. А ведь армия – это святое. С защиты отечества начинается гражданин. А кто она?

– Кто? – не понял Дима, вполуха слушавший генерала.

– Да девушка твоя!

– Она замужем, – брякнул Дима.

– Что? – поразился генерал, даже жевать перестал. – Как замужем?

– Она собирается разводиться, – поспешил Дима его успокоить.

– Постой, постой, – забеспокоился тот. – Вы с ней встречаетесь, и в то же время она замужем? Как же так? А муж?

– Я люблю ее, Владимир Герасимович, – сказал Дима, серьезно глядя на него.

– А муж в курсе? Да если бы моя Зинаида Константиновна позволила себе… А я? Мы понимали, что такое верность. А вы, молодежь, забыли, что существует такое слово. Сегодня поженились, завтра разбежались. Еще не развелись, а уже новая любовь. Раз-два, и готово! А брошенных детишек государство воспитывает.

– Димочка, а где ты с ней познакомился? – Зинаида Константиновна, сгорая от любопытства, появилась на кухне.

– Ты чего поднялась? – строго спросил муж. – Велено лежать, так и лежи. Молоко выпила?

Дима пододвинул Зинаиде Константиновне табуретку.

– Выпила. Мне уже лучше. А то вы тут, а мне одной скучно. Спасибо, Димочка. А я смотрю, ты какой-то задумчивый стал, еще сказала отцу, никак Димочка влюбился. Помнишь?

– Не помню, – нахмурился генерал. – Она замужем.

– Как замужем? – ахнула Зинаида Константиновна. – А дети есть?

– Детей нет.

– А что так?

– Не знаю, – ответил Дима. – Я не спрашивал.

– Любовь – это не вздохи под луной, – сказал генерал. – Это в первую очередь дисциплина. И долг. Перед родиной, перед семьей, перед коллективом. Служба в армии воспитывает дух коллективизма.

– Да ладно тебе, – махнула рукой Зинаида Константиновна. – И что теперь будет, Димочка?

– Она уйдет от мужа, – ответил Дима.

– А жить на что? Детки пойдут, кормить, одевать, обувать их надо. Твоими книжками не прокормишься. Это раньше государство пеклось, а сейчас каждый сам за себя.

– Мы еще не думали о детях, – отвечал ошеломленный натиском Дима.

– А о них и думать не надо. Не успели оглянуться, а уже они тут как тут. Вот когда Васенька родился, наш первый, Володечка уже капитаном был, на всем готовом, тогда к армии отношение другое было. Это сейчас армию ни в грош не ставят. А когда Петечка родился, отец уже майором был. Мне рожать, а Рымбаева – это доктор наш – змея укусила. Не то выживет, не то помрет. Ужас. Я кричу-разрываюсь, а Володечка чуть не плачет, растерялся, красный весь. А мне и больно и смешно. Успокойся, говорю, рожу нормально, а что кричу, так полагается кричать, не бойся! Позови повариху – у нас вольнонаемная была Варя, толстая, поперек себя шире! Так и родила я Петечку. И о любви мы никогда не говорили. Мне и в голову не приходило спросить. Детей растили… Ты хоть любил-то меня, а, отец?

– А обвенчаться в церкви не хотите, Зинаида Константиновна? – поинтересовался генерал иронически. – А то теперь мода такая, без этого неприлично, что люди скажут? И в первый раз в церкви, и во второй, и в третий. Раз плюнуть.

– А мне нравится. Невеста в белом, гости, цветы. А то мы записались, и все. У меня даже платья белого не было. Пришла в загс в костюмчике голубом, помнишь, Володечка? Голубой, в белые ромашки!

– Эх ты, моя ромашка! – сказал генерал и поцеловал жену в плечо.

Они забыли о Диме. Кажется, совсем недавно, вчера или позавчера, молодой бравый лейтенантик Володя Крымов с замиранием сердца сказал Зиночке из сберкассы: давай поженимся. И чуть не умер от страха, что откажет ему Зиночка. Это потом он придумал, что она ждала его три года. А может, и ждала. Дело прошлое. И всю жизнь знал генерал Крымов, что у него есть тыл. Что примет Зинаида Константиновна его в любом виде, не бросит, не откажется. Разве сейчас между людьми такие отношения?

– Димочка, а какая она? – Зинаида Константиновна жаждала подробностей. – Красивая?

– Очень, – Дима вздохнул.

Прошло четыре дня с тех пор, как он видел Лидию в последний раз. Он ни разу не позвонил ей, как она и просила. При мысли, что у них с мужем будут гости, что у них дома уютно и красиво, а в центре гостиной стоит елка с разноцветными шарами, как в витрине какого-нибудь дорогого бутика, Дима чувствовал себя несчастным. Тоска по Лидии разрывала его сердце. Он несколько раз подходил к ее дому, надеясь увидеть Лидию хотя бы издали. Он уходил из дома с самого утра, чтобы оторвать себя от телефона, и бродил по улицам и заснеженному парку, бормоча в такт шагам стихи, разговаривая с Лидией, рассказывая ей, как провел день… Вспоминал, как она пришла… запах ее духов, голос, вкус губ, как она сказала, что любит… ее смех…

Лидия… Лидия… Лидия…

Дима не слышал, о чем говорили генерал с женой, и очнулся только тогда, когда Крымов стукнул кулаком по столу и сказал:

– Хватит! За работу! Пошли, Дима.

Последующие три часа генерал вспоминал свою службу на Дальнем Востоке. Говорил он неторопливо, короткими рублеными фразами, которые напоминали команды. Уставал, и тогда Зинаида Константиновна звала их к чаю. Она сострадательно смотрела на Димочку, который был так не похож на ее собственных сыновей ни характером, ни выправкой. Оба они уже полковники. Старший, Васенька, служит в миротворческой миссии в Либерии, младший, Петечка, – в Центральной Азии. Центральная Азия – и все. А где именно, она не

знает, хоть и подозревает, что генералу это известно, но он не говорит ей, чтобы не огорчать. В горячей точке, где ж еще! Там все точки горячие. Сердце у нее болело, и мысль крамольная иногда приходила в голову, что генерал с его связями мог бы и похлопотать за сына… Но мысль эту Зинаида Константиновна не высказывала вслух. Муж часто не спал ночью, видимо, думал о сыне. «Господи, спаси и помилуй», – повторяла, лежа без сна, Зинаида Константиновна, готовая поверить, что Бог есть, хотя никогда не была верующей. Она смотрела на Диму, который казался ей таким хрупким, таким невзрослым, что приходилось только диву даваться, как до сих пор жив он, не помер с голоду, не попал под машину.

Как-то раз она увидела Диму в городе. Ее он не заметил. Он вообще ничего не видел вокруг себя. Смотрел поверх голов, и губы его шевелились. Стихи читал, не иначе. Она хотела было остановить его и расспросить, что да как. Но потом передумала. Просто проводила взглядом. На ее глазах Дима столкнулся с двумя прохожими, один обругал его. Дима словно очнулся, лицо у него стало удивленное, и он еще с минуту смотрел вслед нервному человеку.

Странное дело, но она думала о Диме так же часто, как о собственных детях. Судьба ее сыновей зависела от политики государства, а судьба Димы – от разных бытовых мелочей, вроде газа, который он мог забыть выключить, испорченной колбасы, которую он мог съесть по рассеянности. Его могла укусить бешеная собака, да мало ли… Он даже мог выпасть из окна!

– В армию его надо бы, – отвечал генерал на озабоченность супруги. Он искренне считал армию самым лучшим лекарством от ипохондрии и затянувшегося детства.

– Да что ты такое говоришь, Володечка! – восклицала Зинаида Константиновна. – Армия не для него!

– Ты хочешь сказать, что он не для армии, – поправлял ее генерал.

Рассказ Крымова Дима записывал на диктофон, а также делал пометки в толстой тетради. Работал он автоматически и думал в это время о Лидии. Генерал, не чувствуя в нем огонька, сбивался, повторял одну и ту же фразу по нескольку раз и сердился.

Потом они обедали. Зинаида Константиновна, совсем поправившаяся, хлопотала на кухне. Когда они еще служили, редкий обед проходил без гостей – Зинаида Константиновна была хлебосольна и славилась как отменная повариха. В праздники дом был полон гостей, не то что теперь. Ей не хватало общения – шумных застолий, смеха и музыки, разговоров мужчин о политике и оживленной болтовни женщин после бокала-другого шампанского. И еще ей не хватало предпраздничной радостной суеты, пробега по магазинам с шофером мужа, каким-нибудь молоденьким солдатиком, которого она никогда не отпускала, не накормив. Дыма коромыслом на кухне ей не хватало.

– Ешь, Димочка, – приговаривала Зинаида Константиновна, подкладывая ему в тарелку жареной картошки и еще одну котлету. – Ешь!

– Спасибо, Зинаида Константиновна, – отвечал Дима. – Честное слово, я больше не могу. – Он отодвигал от себя тарелку. – Мы же недавно завтракали.

– С Новым годом, Димочка, – сказала Зинаида Константиновна, когда они вдвоем с генералом провожали его в прихожей. – Это тебе, – она сунула ему в руки полиэтиленовый пакет с едой.

– Ну, что вы, – смутился Дима. – Не нужно! Я не хочу есть.

– Съешь завтра, – настаивала Зинаида Константиновна. – Бери! Разогреешь котлетки и картошечку, вот тут «Наполеон», ты его любишь, еще салат оливье и кислая капустка, не забудь поставить в холодильник. Баночки принесешь, когда придешь в следующий раз.

Баночки были не нужны Зинаиде Константиновне – это такой хитроумный тактический ход с ее стороны. Ей казалось, что если обязать Диму вернуть посуду, то он не забудет про еду и хотя бы поставит все в холодильник, а не бросит на полу у порога.

– С Новым годом, Димочка.

– Будь здоров, Дима, – сказал генерал. – С Новым годом тебя. Увидимся в следующем году. Пятого января. В десять ноль-ноль. И выброси всякие глупости

из головы.

* * *

Дима спешил домой. Ему казалось, что, пока его не было, могла прийти Лидия и теперь сидит на скамейке у подъезда и ждет его. Или звонит ему каждые полчаса, чтобы сказать, что ушла от мужа. Навсегда. Она принесет к нему свои платья и повесит их в шкаф. А в ванной будет пахнуть ее духами. А ее шубку и длинный шелковый шарф он положит на тумбочку в прихожей.

Он улыбался, представляя, как они вместе войдут в квартиру и он обнимет Лидию, отнесет на руках в спальню… разденет…

На скамейке у подъезда сидели старухи. Завидев Диму, они как по команде замолчали и уставились на него.

– Здравствуйте, – сказал Дима. – С Новым годом! Желаю здоровья.

– И тебя, Димочка! – загомонили старухи разом. – И тебя с наступающим Новым годом! И ты будь здоров!

– Может, надо чего? – спросила одна из бабок, чьего имени Дима не помнил или не знал вовсе. – Как ты без матери-то справляешься? Может, помочь чем? Ты говори, не стесняйся. Мы ж соседи, по-людски надо жить.

– Спасибо, – Дима счастливо улыбнулся. – Не нужно ничего. Спасибо.

Он вошел в подъезд. В почтовом ящике белело письмо. Дима достал его. Почерк был ему незнаком. Обратного адреса на письме не оказалось. Дима поставил пакет с продуктами на пол, надорвал конверт и достал сложенный вдвое листок голубоватой бумаги. Он пробежал глазами несколько скупых строчек и ничего не понял. Прочитал еще раз.

«Димочка, – начиналось письмо, – мы больше не увидимся. Так складываются обстоятельства. Не звони мне и не пытайся встретиться. Это ничего не изменит.

Всякая история имеет начало и конец. Наша история была очень красивая, хоть и короткая. У тебя все впереди, ты талантливый писатель, и я уверена, что в один прекрасный день увижу в витрине магазина твою книжку. Прощай и будь счастлив. Лидия».

Дима присел на ступеньку – ноги не держали его. Он прочитал письмо еще раз. И еще. И каждый раз проникался непоправимостью того, что произошло. Этого просто не может быть! Они же любят друг друга! Лидия любит его. Она сама говорила. Любовь – это самое главное в жизни, то, из-за чего стоит жить. «История»? У них была любовь, а не «короткая история»! Любовь! «Будь счастлив». Как он может быть счастливым после того, что случилось? Она же обещала уйти от мужа. Говорила, что ее держат только деньги для красивой жизни. Ему, Диме, деньги не нужны.

Дима был тонким стилистом и свои тексты «полировал» до полного совершенства, переписывая по несколько раз. Его кольнули фразы «наша история была очень красивая, хоть и короткая» и «всякая история имеет начало и конец». Они были банальны и отдавали дешевой мелодрамой. Лидия не могла написать такие слова. Их любовь, преданная любовь, печально и сиротливо брела сейчас неизвестно по каким дорогам… Преданная и… проданная!

Дима заплакал. Он прислонился к грязной, исписанной разными словами стене подъезда. Плечи его вздрагивали, в глазах нестерпимо резало. Всхлипы зарождались глубоко в груди и с трудом вырывались наружу. От них болело в горле…

В подъезд кто-то зашел, и Дима встал. Ему, как зверю, хотелось заползти в нору, не попадаться никому на глаза и выплакать свое горе. Пакет с продуктами от Зинаиды Константиновны остался стоять у почтовых ящиков. Отпирая дверь, Дима вдруг замер от мысли, осенившей его. «Лидию заставили написать это письмо! Она не могла сама! Она любит его!» Конечно, ее заставили. Запугали и принудили. Им нужно немедленно увидеться и поговорить. Он убедит любимую, что не надо бояться – он сумеет защитить ее!

Переступив порог квартиры, он бросился к телефону. Взволнованный, слушал длинные сигналы в трубке, пока бесстрастный механический голос оператора не сказал, что абонент временно недоступен. Абонент был недоступен и через час, и через два. Он был недоступен вечером. И ночью.

Диме казалось, что он сходит с ума. С Лидией происходило неизвестно что, ее, возможно, мучили… заперли в квартире… Он не находил себе места и поминутно звонил ей. Иногда ему казалось, что он должен быть около ее дома, что ей удастся вырваться. Он представлял себе, что она выбегает из подъезда, в одном платье, на руках следы от веревок. Он бежит ей навстречу, подхватывает на руки…

Дима был оглушительно одинок. У него не оказалось друга, которому он мог бы рассказать о Лидии, выкричать свою боль. И вдвоем они что-нибудь придумали бы или хотя бы напились. Одиночество – опасный спутник, как в молодости, так и в старости. Коварный, изобретательный и непредсказуемый, внушающий больные фантазии и толкающий на страшные поступки.

Дима был неопытен в житейских делах. В свои двадцать семь лет, зная чуть ли не наизусть многих философов, поэтов и писателей, в основном золотого века, он был далек от реальной жизни и судил о ней, как романтический герой из книжки восемнадцатого века.

Он был доверчив, не умел лгать, влюблялся с первого взгляда и на всю жизнь. Верил в предназначение и не побоялся бы умереть за прекрасную даму в поединке с драконом.

По законам естественного отбора такие, как Дима, не имеют шанса на выживание. Они прозябают в одиночестве, фантазируя и потихоньку уходя все дальше и дальше от реальной жизни, пока не угаснут совсем. Хорошо, если дома, а не в другом месте…

Глава 4

Праздник у елки

Новогодний бал в мэрии был в разгаре. Билеты стоили немало, и здесь собрался лишь городской бомонд: представители бизнеса, городской администрации и культуры. Здоровенный как шкаф Дед Мороз сыпал шутками, иногда довольно двусмысленными; Снегурочка пела детские песенки; торговали всякой всячиной

благотворительные киоски; выступали с новой программой «Голоса травы» – местная рок-группа, предмет гордости и любви всего города. Выступали артисты городского драматического театра, филармонии и даже пользующегося скандальной репутацией молодежного театра «Трапезная» Виталия Вербицкого со сценами из гоголевской «Ночи перед Рождеством». Он же сам и был чертом – корчил такие жуткие рожи, выделывал такие дикие антраша, так прогибался, вилял хвостом и так натурально приставал к восхитительной Солохе, хватая ее то за локоток, то за шейку, то невзначай задерживая руку на ее груди, что ответственный распорядитель сделал ему замечание.

– Пардон, пардон, – ответил Черт, гнусно ухмыляясь. – Я и не знал, что вы по совместительству трудитесь в полиции нравов!

Полураздетая Солоха была чудо как хороша – ей распорядитель замечания не сделал, хотя стоило бы. Гости и артисты пели песни, читали стихи, баллады, участвовали в шарадах, викторинах, беспроигрышных лотереях и в забытой старинной игре в фанты. Столы ломились от снеди, сиял бар с напитками, нежно благоухали десерты, мороженое, фрукты.

Бизнесмен Речицкий, известный в городе ловелас и скандалист, под хохот собравшихся проскакал три круга вокруг елки на одной ноге, получил приз – плюшевого зеленого динозавра – и теперь, хватаясь за сердце, показывал приз публике.

– Пошли вздрогнем, Юрик! – Он подошел к приятелю, стоявшему неподалеку. – А то меня сейчас хватит кондрашка!

Жена Юрия, красивая женщина в красном шифоновом платье и рубиновом колье, махнула рукой и что-то сказала мужу. После чего чмокнула его в щеку и ушла сквозь толпу…

К Юрию Рогову и Речицкому, все еще стоящим рядом и вполголоса обсуждающим какие-то свои вопросы, протиснулась с полным бокалом Регина Чумарова, хозяйка известного в городе дома моделей «Регина».

– А где твоя лучшая половина? – спросила пребывавшая изрядно навеселе Регина, хватая Юрия за рукав.

– Региночка! – расшаркался Речицкий. – Красавица наша! Ручку пожалте!

– Пошел вон! – хладнокровно отозвалась та, отпихивая бизнесмена. – Я с тобой не разговариваю.

– Региночка! – взревел Речицкий, падая на колени. – Прости, родная! За что?

– Сначала деньги, – сказала Регина. – Твоя… подруга взяла два платья и не заплатила, пообещала – ты заплатишь. Ты, Речицкий, просто скотина после этого!

– Какая подруга? – удивился Речицкий. – Нет у меня никакой подруги, тебя ввели в заблуждение.

– Да у тебя каждый день новая… подруга!

– Сколько?

– Две тысячи баксов.

– Сколько-сколько?!

Зная друг друга давно, они бранились скорее по привычке, не придавая перебранке значения. Юрий Рогов оглядывался, пытаясь рассмотреть в толпе красное платье жены.

Без чего-то двенадцать мэр сказал короткую речь, и сразу включился громадный экран телевизора. На собравшихся тепло смотрел президент страны. «Дорогие соотечественники», – начал он под аплодисменты гостей. Потом раздался бой курантов и торжественные звуки государственного гимна. Взлетели в потолок пробки, запенилось шампанское.

Налетели пьяненькие знакомые с поздравлениями. Шум в зале усиливался, и атмосфера накалялась. Отовсюду раздавался громкий смех, звуки поцелуев, громкие голоса. Гремела музыка. Кто-то пошел отплясывать «Цыганочку».

– Никак сбежала! – прокричала Регина, наклоняясь к Рогову. – Такую запросто уведут! Я хотела еще раз посмотреть на свое платье, гвоздь сезона! Штучная работа, произведено в единственном экземпляре. Я все уговариваю твою половину идти ко мне в модельки. А то эти худосочные оглобли всем уже глаза намозолили. У бабы все должно быть на месте. И спереди и сзади. Ну и что, что у ведущих домов двухметровые дылды, разве это женщины?

Регина обладала полной приземистой фигурой и стервозным характером. Она вдовела уже два года после трагической гибели мужа. Кроме того, поговаривали, что она пила. Но наряды ее были действительно хороши и ни в чем не уступали известным зарубежным домам моды.

– Никто, кроме нас, не может позволить себе наряд в единственном экземпляре! – хвасталась Регина. – Никто! Наша одежда предназначена для настоящей славянской женщины, в теле, с грудью, бедрами и животом. Да, животом!

И это было правдой. Одно время у Регины работал известный дизайнер и местная достопримечательность Игорь Нгелу-Икиара, который, собственно, и создал славу дому моделей «Регина». Около двух лет назад он бросил Регину и укатил в столицу, куда его давно звали. Расстался он с работодательницей не наилучшим образом – скорая на язык Регина наградила Игорька всякими эпитетами из своего богатого словарного запаса. Игорек в ответ был отменно вежлив, только и сказал, что его сексуальная ориентация не должна никого волновать. После разрыва с Игорьком Регина сменила двух дизайнеров, с которыми, увы, не сработалась. Если с Игорем, пересилив свою натуру, она держала себя в рамках, так как начинали они вместе, то с другими, которые приходили уже на готовое, на раскрученный бизнес, Регина не церемонилась. Манекенщицы часто менялись, не выдерживая ее крутого нрава и ненормативной лексики. И это несмотря на безработицу в городе.

Регина болтала разную чушь, отхлебывая теплое шампанское из своего бокала. Рогов не слушал, обеспокоенный отсутствием жены. Речицкий крутил головой, радостно приветствуя знакомых.

Сквозь толпу к ним протиснулся неприметный человек в скромном костюме, с крошечным микрофоном на лацкане. Видимо, служитель.

– Рогов? Юрий Владиславович? – наклонился он к бизнесмену.

– Да, – ответил Рогов. – В чем дело?

– Пройдемте со мной, – предложил служитель.

– Куда? – спросил Рогов. И снова повторил: – Что случилось?

– А в чем, собственно, дело? – вмешался Речицкий. – Кто вы такой?

Человек окинул его коротким взглядом и, не ответив, снова обратился к Рогову:

– Пожалуйста, пройдемте, Юрий Владиславович. Это касается вашей жены.

Они так и вышли из зала все вместе. Неприметный человек с микрофоном впереди, за ним Рогов, Речицкий и Регина, сгоравшая от любопытства. Вместе спустились по широкой парадной лестнице на первый этаж. Регина сильно приотстала на своих высоких каблуках. Тем не менее сползла вниз, крепко держась за перила.

Они прошли через большое фойе в правое крыло здания. У служебной лестницы стояла группа из пяти-шести человек, явно не принадлежавших к новогодним гостям. Были и гости – несколько человек, попавшие сюда случайно. При виде вновь прибывших люди расступились. Рогов шагнул вперед. Взгляд его был прикован к продолговатому предмету на полу под лестницей, накрытому черной тканью. Неприметный человек кивнул кому-то. Мужчина в свитере спросил:

– Рогов? Юрий Владиславович?

Тот кивнул, облизывая мгновенно пересохшие губы. Мужчина в свитере присел на корточки, откинул край черной ткани. Рогов шагнул ближе. Регина издала сдавленный крик, попятилась назад, оступилась и взмахнула руками. Речицкий подхватил ее, но не сумел удержать. Регина опустилась на черно-белый мраморный пол и застыла большой нелепой грудой, прижимая руку к сердцу.

Под черной тканью лежала женщина в красном платье. Голова ее была запрокинута, каштановые волосы разметались по полу. В шею впился блестящий

длинный шарф, красный, как и платье. Концы его, разбросанные далеко в стороны, казались щупальцами диковинного хищного животного. Женщина была мертва.

– Как же так… – растерянно пробормотал Рогов, опускаясь на колени. – Это же… Лида!

– Это ваша жена, Юрий Владиславович? – спросил человек, сидевший на корточках. Рогов кивнул. – Рогова Лидия Михайловна? – уточнил дознаватель.

Рогов снова кивнул, не в силах отвести взгляд от тела жены. Лицо его на глазах стало больным и приобрело пепельный оттенок.

* * *

– Юрий Владиславович, примите мои самые искренние соболезнования. И извините за печальную необходимость побеседовать с вами именно сейчас. Позже многие детали сотрутся из памяти, а они могут иметь важное значение для следствия. – Кузнецов помолчал, словно отдавая дань погибшей. – У вашей жены имелись враги?

Это был хрестоматийный вопрос, с которого, как правило, начинаются допросы свидетелей. Во всяком случае, в романах. Мужчины сидели в кабинете одного из работников мэрии, открытого по просьбе следователя. Он хотел поговорить с мужем убитой немедленно, по горячим следам.

– Какие враги? – отозвался Рогов угрюмо. – Откуда? Она раньше не работала, сидела дома, занималась хозяйством. Много читала. Была довольно замкнутым человеком.

– Почему ваша жена не работала?

– Не знаю. Не хотела, я думаю. В деньгах мы не нуждались. Она была моей секретаршей. Когда мы поженились – восемь лет назад, бросила работу. Вот и все… – Он потер лоб. – Что еще? – спросил он не то себя, не то Кузнецова.

– Ей никто не угрожал? Вспомните, Юрий Владиславович. Возможно, телефонные звонки, письма? Жена ничего не рассказывала?

– Ничего. Мы вообще… – начал Рогов и осекся.

Кузнецов, казалось, не обратил внимания на недоговоренность.

– Вам известны подруги вашей жены?

– Известны. Лара Бекк, они когда-то жили в одном доме, кажется. Учительница английского. Еще Регина Чумарова. Кстати, она говорит, звала жену к себе на работу. Мне Лида об этом не говорила. Не думаю, что она приняла слова Регины всерьез. Мы весь вечер провели вместе, кстати. – Он взглянул на Кузнецова. – И с Речицким. Регина тоже была в холле, когда… когда мы увидели Лиду… – Он судорожно вздохнул. – Не понимаю, зачем? Кому нужно было убивать ее? За что?

– А вам лично никто не угрожал? – спросил Кузнецов. – Постарайтесь припомнить. Странные звонки по телефону, угрозы, незнакомые люди, крутившиеся вокруг дома. Всякая мелочь, которой не придаешь значения, пока… все хорошо.

Рогов задумался.

– Не припоминаю ничего такого, – сказал наконец.

– Простите, Юрий Владиславович, за следующий вопрос. У вас кто-то есть? Я имею в виду, другая женщина?

Рогов пожал плечами.

– Я не понимаю… – начал он, но сразу же обо-рвал себя, только рукой махнул. – Были, – сказал он. – Были. Не одна, а много и разных. Жена прекрасный человек, честный, порядочный, – он говорил как о живой, – но… как бы это сказать… Она была холодна. Я уставал до чертиков, стрессы снимал то сауной, то… Сами понимаете.

– Вы не собирались развестись с женой?

– Я не понимаю, какое это имеет отношение к ее убийству? – Рогов враждебно смотрел на Кузнецова.

– Не знаю, – ответил тот. – Пытаюсь нащупать хоть какую-то зацепку.

– Не собирался. Хотя, не исключаю, если бы я встретил хорошего человека… хорошую женщину, я бы расстался с женой.

– Почему у вас нет детей?

– Сначала я не хотел. Страшно было из-за конкурентов. Дети – это твое слабое место. А потом уже Лида не хотела. Или не могла. Вы меня подо-зреваете? В убийстве? Это абсурд. Я бы никогда не… Слышите, никогда!

– Понятно. Успокойтесь, Юрий Владиславович. Если я правильно понял, вы были один с друзьями, а ваша жена… почему она оставила вас? Вы что, поссорились?

– Нет. Мы стояли с ней, когда подошел Речицкий. Он давно уже набивается в долю. Жена его не любила. Постояла с нами немного, потом сказала: вы тут пообщайтесь, я тебя потом найду, и ушла.

– Может, она увидела кого-нибудь?

– Может, и увидела. Не знаю. Я даже не заметил, в какую сторону она удалилась. Буквально минут через десять к нам подошла Регина Чумарова, стала спрашивать, где Лида. На жене было красное платье из ее салона, и она сразу бы заметила ее в толпе. У нее глаз наметан. Мы простояли вместе до самого… Пока меня не позвали.

– Значит, вы хотите сказать, что вашей жены в зале не было?

– Я и сам не знаю, что хочу сказать. Просто вспоминаю. Получается, что не было.

– То есть вы допускаете, что ваша жена встретилась с кем-то и вышла с этим человеком из зала?

– Не знаю. Все может быть. Видимо, так, раз она оказалась… там. Спросите у Регины, если она в состоянии отвечать на вопросы. И у Речицкого. Он ни одной красивой женщины не пропустит. Может, и видел, к кому подошла моя жена. Я ничего не знаю, честное слово. Если вы собираетесь меня арестовать, то арестовывайте. Но сначала поставьте в известность моего адвоката. Мне нечего скрывать. Я, наконец, хочу остаться один. – Тон у него был раздраженный.

– Да, да, я понимаю. Спасибо, Юрий Владиславович. И извините еще раз. Я распоряжусь, вас отвезут домой.

– Не нужно, я вызову свою машину. Вы меня тоже извините. – Он встал, протянул Кузнецову руку.

– Поздравляю, Леонид Максимович. Первый труп в новом году. С Новым годом, с новым счастьем, – бубнил недовольный Коля Астахов, вытащенный из-за праздничного стола. – Ни сна, ни отдыха! Все! Ухожу к брату в бизнес. К чертовой матери!

– К чертовой матери или все-таки к брату? – хладнокровно отозвался начальник, слышавший эти угрозы уже не первый раз.

– К обоим! Сначала к чертовой матери, потом к брату. И точка. За эти копейки! Да в любой частной охране платят рядовому сотруднику, как генералу МВД. Ну, почему я их так не люблю? Почему?

Имелись в виду бизнесмены, которых Коля в силу классового чутья очень не жаловал.

– У тебя все, Николай? – строго спросил Кузнецов. – Тогда кончай с лирикой и докладывай по существу. Что Регина Чумарова?

– Регина Чумарова выражается как биндюжник. Даже хуже. Мне теперь полагается спецмолоко. Ничего особенного Регина не сообщила. Жили они, говорит, как все. У Рогова бабы не переводились, но про развод пока речи не шло. Она говорит, что покойная Лидия Рогова не была с ней особенно откровенна. Характер такой. Могла по полгода не звонить. А то вдруг прибегала

взбудораженная, хватала то одно, то другое, примеряла все подряд… я имею в виду, тряпки. Покупала, не торгуясь. Мужа она не то чтобы не любила, но игрушки у них были разные. У Рогова – бизнес и бабы. У Лидии – шмотки и брюлики. Хорошо жили, считает Регина. Не скандалили, на горло друг другу не наступали и в душу не лезли, чего еще надо?

Кстати, на шее у Роговой было ценное колье, золото и рубины. Убийца его не снял. Любовников у нее не наблюдалось. Хотя, сами понимаете… неработающая баба – находка для шпиона. Они стояли все вместе, потом Лидия оставила мужа и Речицкого и ушла. Похоже, увидела кого-то в толпе. Через десять минут к ним подошла Регина, спросила про Лидию. Она показала, что бродила по залу, подходила к бару раза четыре, но я думаю, гораздо больше, но Лидию не видела. Хотя высматривала ее красное платье. Женщин в красных платьях на балу было три, кроме Лидии. Одна скорее в темно-розовом. Другая – в коралловом. Третья в бордовом. И все. Точка. Регина такие вещи мигом усекает.

Вероятно, Лидия сразу же вышла из зала. Спрашивается, зачем? Если увидела кого-нибудь и решила перекинуться парой слов, то необязательно выходить. Говори здесь. Значит, не хотела, чтобы их видели вместе. Напрашивается вывод: это был мужчина, причем не чужой ей. Несколько гостей вспомнили женщину в ярко-красном платье, но не запомнили, кто с ней был и был ли вообще. Возможно, мужчина сделал ей знак и вышел. Через пару минут она последовала за ним.

Парадная дверь была заперта на ключ. Буржуазия не хочет, чтобы ей мешали зеваки с улицы. Кто хотел уйти, звали дежурного, и тот их выпускал. Но для массового ухода было еще рано. Убийца не стал бы покидать мэрию, чтобы не светиться. Скорее всего, вернулся обратно в зал. В гардеробе дремала дежурная старуха, но она ничего не видела. По углам жались парочки, они были заняты собой и тоже ничего не заметили.

В фойе все время крутились люди и, самое смешное, охранники службы безопасности. Правда, все сильно поддатые. Я имею в виду гостей. Секьюрити были в порядке, разве только приняли слегка. Всего полно, столы ломятся, бары – это же пытка… Гости выходили покурить, проветриться и отдохнуть от толпы. И в туалеты. Все работающие туалеты находятся на первом этаже. На втором – на ремонте. Окна в них заперты на задвижки изнутри. Проникнуть с улицы в здание мэрии невозможно. Окна могли быть какое-то время открыты. На этот вопрос никто связно ответить не может. Я добился лишь заявления, что рамы

действительно открываются, но открывали ли их сегодня вечером, никто не знает. Следов у стен мэрии снаружи нет, так как с десяти вечера шел дождь. Внутри, на полу в туалетах, следов тоже нет. Если и были – то высохли. Убийца мог влезть через окно, а потом закрыть его. Подняться наверх, в зал, вызвать жертву, убить ее, смешаться с толпой и выйти из здания уже со всеми. Расходиться начали около часа ночи, но официально праздник продолжался до трех. Я думаю, убийца ушел с первой партией гостей, то есть около часа. Но допускаю, что он мог остаться среди приглашенных.

В мэрии находилось, считая с обслугой и артистами, около четырехсот человек. Входных билетов продано триста сорок. Цена просто запредельная. Оказывается, у нас в городе много богатеньких буратин. Растет благосостояние народа. Повышается с каждым днем. Такая вот версия. Убийца сделал ей знак, она вышла из зала. Он ждал Рогову под лестницей – там практически темно. Она подошла, и он ее сразу… ее же шарфом. Сразу – потому что, если бы они там стояли, даже недолго, их обязательно бы заметили. А так – никто ничего. Просто невероятно. Никто и ничего! Все проделано быстро и четко. Не с целью грабежа. Убийца не тронул колье. Значит, это не грабеж. Хотя, возможно, он не успел или его спугнули.

Теперь по Речицкому. – Коля перевел дух, почесал нос. – Этот вообще ничего не знает. Смотрел в другую сторону. С Лидией Роговой контакта не было. У меня создалось впечатление, что Речицкий обижен на нее. Принимая во внимание его репутацию бабника, могу представить за что. Кстати, он сказал, что видел ее недавно около городского парка. Не одну. Проезжал мимо на машине. Но он сразу же опомнился и изменил показания. Говорит, обознался. Точной даты не помнит. С неделю назад примерно. С ней был высокий мужчина без головного убора. Но какая разница, сказал он, если это была не Лидия? Я же, говорит, обознался. И точка. Думаю, врет. У меня все.

Кузнецов молчал, рассматривая подчиненного. Коля уставился на начальника, ожидая вопросов.

– Послушай, Николай, – сказал задумчиво Кузнецов, – а тебе не кажется, что…

– Нет! Не кажется. Ничего общего, кроме шарфа. И способы убийства разные. И жертвы, так сказать, тоже разные. Не верю я в подобные совпадения. Здесь обычное убийство. А там… черт знает что! Какая-то мистика. Правда, согласен, сходство есть. Новогодний бал, елка и танцующие люди. То есть здесь живые

люди, а там манекены. Но это просто совпадение. Сейчас везде балы и елки. И танцы. Везде. И давайте не будем, а то накличете беду.

Глава 5

Зося

В кабинете Регины Чумаровой сидел дорогой гость – столичный дизайнер Игорь Нгелу-Икиара, чья мать была местной жительницей, а отец – большой шишкой в правительстве Кении. Игорек – мулат. Он писал незаурядные этюды маслом в стиле фэнтези, делал мгновенные карандашные наброски-карикатуры, схватывая самые характерные черты человека, и придумывал фасоны одежды. У Игорька было две родины, которые он любил одинаково горячо, но жить предпочитал в России. Игорь работал у Регины около пяти лет, и, как поговаривали злые языки, именно ему обязана Чумарова процветанием своего дома моделей. До Игорька предприятие Регины не представляло собой ничего особенного. На волне приватизации она выкупила местное трикотажное ателье и продолжала штамповать спорной эстетики одежду для «простых» людей. Главным достоинством изделий была их дешевизна. Продукцией дома моделей «Регина» торговали на городских рынках.

И вдруг прекрасная метаморфоза! Сногсшибательный показ мод в День святого Валентина. Феерия красок, длинноногие красавицы-манекенщицы и фантастические наряды. Город ахнул. Вслед за спектаклем последовало торжественное открытие магазина с радующими глаз витринами. И пошло-поехало.

Игорь стал чем-то вроде талисмана для дома моделей, и грубиянка Регина верила ему безоговорочно и безоговорочно же подчинялась, хотя постоянно давала ему понять, кто в доме хозяин. Она не была бы собой, если бы по привычке не скандалила с дизайнером и не кричала, что он ее разорит своими дурацкими причудами. Но молодой человек с мягкими кошачьими манерами стоял насмерть, защищая свои модели и не соглашаясь на более дешевые ткани или аксессуары.

– Надо держать марку, – повторял он Регине. – Марка – это имя, честь и достоинство, уронить ее легко, поднять невозможно.

– Да пошел ты! – отвечала обычно Чумарова, но так, чтобы Игорек не слышал.

Около двух лет назад Игорь уехал в столицу, куда его давно звали. Он рассчитывал открыть там свое дело, но из-за конкуренции не преуспел. Сейчас он приехал не просто в гости, а с целью прощупать возможности своего возвращения домой, о чем не признался бы даже под пыткой. Регина, в свою очередь, была не прочь вернуть его, но виду тоже не подавала. Они, как коты-соперники в подворотне, готовые к схватке, выжидающе ходили кругами, громко мяукали и зорко следили за каждым движением соперника.

В эти праздничные дни в доме моделей кипела работа – готовили показ к Дню святого Валентина – никаких выходных!

– Я видел последние показы – свадебные платья с бисером. Неплохо, честное слово, неплохо, – говорил Игорек, полируя по привычке ладонью свой гладко выбритый, блестящий, как бильярдный шар, череп. – Кто автор?

– Есть талантливые люди, – торжествующе ухмыльнулась Регина. – Земля полна талантами. А ты к нам надолго?

– На пару дней. Давно друзья звали. Даже не узнал город, все кажется таким маленьким, незначительным. Все-таки столица – это столица. Совсем другие возможности, размах европейский. Но должен заметить, Регина, эти платья… совсем неплохо! Удачные, я бы сказал. Чей узор?

«Так я тебе и сообщила! – подумала Регина угрюмо. – Еще сманишь с собой. Нет уж, дудки!» И бросила небрежно:

– У меня есть две вышивальщицы, дизайн – мой.

«Врешь! – подумал Игорек. – Кто угодно, но только не ты! Бухгалтер из тебя еще куда ни шло, но дизайнер – извини подвинься».

– Мне нравится, – сказал он вслух. – Ты очень выросла, Регина.

– А ты думал! – самодовольно ответила она. – Давай по одной за встречу! Ну! Первая колом, вторая соколом!

Она достала из тумбы стола бутылку виски и стаканы. Разлила. Приглашающе повела рукой. Игорь взял свой стакан.

– С Новым годом тебя, Регина! Удачи и творчества! – Одним глотком он опорожнил стакан, задержал дыхание и громко выдохнул.

– Ты стал пить, – не то утвердительно, не то вопросительно сказала Регина. – Что, трудна жизнь в столице? – В ее тоне проскользнули обиженные нотки. Она протянула дизайнеру конфету в пестрой обертке.

– Здесь спокойнее, – ответил Игорь, кладя конфету в рот. – Там и устаешь сильнее, и энергоотдача больше. Но для творчества, конечно… как бы это сказать… фейерверк! Я иду по улице, смотрю на людей, и у меня в голове сразу возникают тысячи новых идей. Водоворот образов. Здесь, конечно, не так. Но зато тут можно придумывать свое собственное. А там, в Москве, большое скопление людей и идей влияет на твое творческое «я». Это и хорошо и плохо, так как лишает художника самобытности. Понимаешь?

Регина, разумеется, не поняла. Но кивнула, выхватив слово «плохо».

«Ага, – подумала она злорадно, – все-таки плохо!»

Снова разлила виски и, вздохнув, сказала:

– Давай за упокой души Лидочки Роговой.

– Кто такая Рогова и что с ней случилось? – спросил Игорь.

– Трагедия! Прямо во время встречи Нового года в мэрии ее убили.

– Как убили? – удивился тоже захмелевший дизайнер. – Кто?

– Задушили ее же шарфом. Она была в моем платье. Шикарное платье, красный натуральный шифон, лучшая модель сезона. И длинный шарф. Что значит кто?

Никто этого не знает. Там было полно людей, чуть ли не весь город, и ее муж, но никто ничего не видел. Я стояла с ее мужем рядом, мы вместе высматривали ее в толпе, но она как сквозь землю провалилась. Представляешь, мы говорим о ней, а она в это время лежит под лестницей… мертвая! Ужас! Ну, конечно, сразу понаехало ментов, слухи всякие поползли, подозрения. Какой после этого праздник… Говорят, как встретишь Новый год, так его и проведешь. Упаси господи!

Они помолчали. Потом Регина, прикидывая, уставилась на него:

– Слушай, Игорек, а ты не хочешь назад? Я временно без дизайнера. Просится тут один, но я еще не решила. Мы теперь на гребне славы, я тебе покажу последние модели. Фантастика! Нам с тобой неплохо работалось вместе, притерлись, так сказать. Мы тут с тобой таких дел наворочаем! Как?

Игорь выпятил губы, задумался, глядя в стол, чтобы не выдать радости, блеснувшей в глазах. Наступила тишина. Регина затаила дыхание.

– Я подумаю, – сказал наконец дизайнер. – Но у меня два условия.

– Какие еще условия? – вскинулась Регина.

– Я готов вернуться на правах совладельца. Раз, – заявил он твердо. – Ты занимаешься финансами, я – дизайном. Два. Я не суюсь в твой бизнес, а ты… даешь мне карт-бланш в творчестве.

Регина с трудом сдержалась, чтобы не выругаться. Совсем охренел чертов негр! Задумалась. Испытующе взглянула на Игоря, безразлично копавшегося в кармане лилового пиджака из тонкой лайки. Скользнула взглядом по светло-сиреневой рубашке в мелких защипах на груди, тонкому бархатному жилету, серебряным пуговицам с крупными светлыми аметистами и таким же запонкам в накрахмаленных манжетах, шафранно-желтому шарфу, небрежно обмотанному вокруг шеи… Да, такого ей не выдумать. На что уж Митрофан, последний ее дизайнер, неплох, но ему до Игорька как до неба. В моделях Нгелу-Икиары было то, что называется шик. Шик, и этим все сказано. И ведь ничего особенного, никакой зауми, никаких наворотов, а вот поди ж ты!

Митрофана Регина со скандалом выперла полтора месяца назад. Он продавал свои лекала вечному сопернику Регины кутюрье Рощенко, или Рощику – для друзей и знакомых. И больше никого на горизонте не виднелось. Явление Игоря было подобно чуду. Еще с полгода дом моделей просуществует на старых запасах, а потом… суп с котом. «Вот падла», – подумала Регина, сжимая кулаки и исподлобья глядя на Игорька. Митрофан угрожает ей судом и кричит на всех перекрестках, что без него ей каюк. В данных обстоятельствах новый дизайнер ей нужен как воздух.

– Можно обсудить, – брякнула она, не глядя ему в глаза. Главное, согласиться и удержать Игоря здесь. А там ее адвокат выкрутит ему руки. Посмотрим, кто кого.

– И еще одно… – Игорь попытался не выдать своей радости. «Видимо, Регину здорово припекло», – мелькнула мысль. – Маленькая деталь.

– Ну? – Регина волком смотрела на дизайнера.

– Название, – сказал он.

– Какое название?

– Название дома моды. Новое название. Например, «Икиара-Регия». Или как-нибудь по-другому, – поспешил он добавить, видя, как лицо Регины приобретает апоплексический оттенок. – Но принципиально новое. Понимаешь? Принципиально. Это значит новое направление. Я кое-что взял в метрополии. У меня масса идей. Но я не буду работать со связанными руками. Подумай, Регина. Ты – финансист. Я – художник. Если мы договоримся, то будем сосуществовать на равных в параллельных плоскостях. – Он встал. – С Новым годом тебя, Регина. Надеюсь, мы сработаемся. – Он протянул ей свою тонкую шоколадную руку с длинными гибкими пальцами и розовой ладонью. Регина, внутренне чертыхаясь, протянула в ответ свою.

Оставшись одна, она налила себе виски и залпом выпила. После чего швырнула стакан на пол. Ее, кажется, приперли к стенке. Красиво, элегантно, спокойно. Она стукнула кулаком по столу. И кто, спрашивается, припер? Человек, которого она создала собственными руками, которому доверяла, как самой себе, который без нее, Регины, пропал бы…

Все вышесказанное было неправдой, и она это прекрасно знала, но получала горькое удовольствие, растравляя свою рану.

А Игорь, выйдя от Регины, завернул в пошивочный цех, где навстречу ему бросилась закройщица Вера.

– Игорек! – завизжала она. – Неужели ты вернулся?

Они обнялись, как старые друзья-соратники.

– Красавец ты наш! – Не выпуская руки Игорька, Вера отступила на шаг и теперь рассматривала дизайнера на расстоянии. – Возмужал, похорошел, сразу видно, столичная штучка!

Две швеи, которые работали еще при Игоре, подошли поближе.

– Девочки, – сказал он радостно, – рад вас видеть! Мне вас так не хватает! – Он обнялся с каждой по очереди.

– А ты забери нас с собой, – предложила Вера. – Пока всех отсюда не увезли в психушку.

– Что, так плохо? – спросил дизайнер.

– Не то слово, – ответила Вера. – У нее климакс, и характер испортился окончательно. Впору Регину на цепь сажать! Так и кидается. Особенно после Митрофана.

– Кто такой Митрофан? – спросил Игорек.

Девушки заговорили наперебой:

– Модельер! Неплохой, но с закидонами. Совсем молоденький, почти мальчик. Спихнул пару своих разработок Рощику. А что, имел право!

– А мадам сказала: работаешь у меня, все твое – мое. И уволила его. Ну, и осталась на бобах.

– Теперь жалеет, да поздно. Митрофан говорит, у него на Регину аллергия и коренные зубы начинают болеть.

– В феврале традиционный показ уже объявили, а у нас почти ничего нет. Сейчас заканчиваем последние Митрофановы модели, и все! Можно прикрывать лавочку.

У окна сидела незнакомая Игорю девушка, смотрела, улыбаясь и отставив работу.

– Это Зося, – сказала Вера, – новенькая. Работает бисер и жемчуг, видел наши свадебные платья? Митрофан придумал. Бисер теперь снова на волне. Вся высокая мода ударилась в бисер. Армани, Тахари, Валентино – все как с ума сошли. Какой журнал ни откроешь, всюду бисер. Ну, да ты и сам, наверное, знаешь.

Дизайнер подошел к Зосе, улыбнулся обаятельно, заглянул в глаза. Зося вспыхнула.

– Игорь Нгелу-Икиара. Рад знакомству. Я тоже начинал здесь.

– Я знаю, – ответила девушка. – Девочки все время вас вспоминают.

– Где вы учились, Зося? – Игорь наклонился, рассматривая лиф пышного белого платья, расшитого бисером нежнейших оттенков – от бледно-серого до сизо-голубого.

– Нигде. У нас дома все вышивали, и бабушка, и мама. И нитками, и бисером. Когда-то в моде были сумочки из бисера. Потом про него забыли, а сейчас снова вспомнили.

– Недаром говорят, все новое – это хорошо забытое старое, – улыбнулся гость. – А дизайн чей?

– Мой!

– Можно взглянуть на ваши эскизы?

– Эскизов нет. Они в голове. – Девушка постучала себя пальцем по лбу: – Здесь!

– Самое надежное место, – рассмеялся дазайнер. – У вас талант, Зося. Вы швея?

– Я инженер-машиностроитель.

– О! – удивился Игорь. – Никогда бы не подумал. Вы такая хрупкая, а выбрали себе такую мужскую профессию.

– Моя профессия мне очень нравится, но работы на этом поприще, к сожалению, нет. А если случается, то женщину туда просто не возьмут. Вы бы тоже меня не взяли, правда? Вот вам и гендерное равенство в новых экономических условиях.

– Сдаюсь, Зося! – Дизайнер вскинул вверх руки. Девушка ему понравилась, и он с особым удовольствием выговаривал ее имя. – Я не прав, вы меня переубедили. И мне теперь стыдно. Если я когда-нибудь стану директором машиностроительного завода, то с удовольствием возьму вас на работу. Договорились, Зося?

– Согласна! – Она рассмеялась.

– Ты к нам надолго? – напомнила о себе Вера.

– На пару дней. Не знаю еще.

– Игорек, мы все тебе страшно завидуем. По-хорошему, белой завистью. Молодец, что вырвался. Там у тебя совсем другая жизнь, не то что в нашем болоте.

– Ты думаешь? Жизнь в болоте имеет свои прелести. Великий древний полководец Ганнибал, мой соотечественник… почти, однажды сказал, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме.

– Я думала, это сказал Юлий Цезарь, – отозвалась Зося.

– Возможно. Они все повторяли чужие афоризмы, выдавая за свои. Мир тогда был маленький, и все были знакомы между собой. И одевались у одного портного.

– Так, может, вернешься? – рассмеялась Вера.

– Может, и вернусь. – Игорь потер ладонью макушку.

– Не может быть! – обрадовалась Вера. – Возвращайся! Будешь нашим ангелом-хранителем. Но сразу предупреждаю…

– Знаю, знаю! – Дизайнер вскинул перед собой розовые ладони. – Я был у нее. Первая стадия белой горячки на фоне синдрома перманентной агрессии. Но так даже интереснее. Жизнь – это борьба, девочки. Мы еще повоюем!

Глава 6

Золушка

Зося не торопилась домой. Шла медленно, останавливаясь у витрин магазинов, рассматривала елки. У нее в этом году не было елки, поленилась купить, да и желание не возникало, если честно. Народу на улицах и в магазинах оказалось много, все торопились, смеялись, звучала музыка. Настроение у людей в преддверии Нового года было приподнятым.

На душе у Зоси было гадко. Да и погода… Хоть бы снег пошел! От одиночества, от недовольства собой и неясного чувства тревоги ей хотелось забиться в темный угол и завыть от отчаяния. Она гнала от себя дурные мысли, повторяя снова и снова, что имела место обыкновенная сделка. Ей предложили сделку, она согласилась. Выполнила работу и получила деньги, законно заработанные. Таких денег она никогда и в руках не держала. Проклятая действительность, при которой у неглупого человека нет возможности обеспечить себе жизнь согласно своим вкусам и взглядам. Даже ее жемчужно-бисерные «экзерсисы» в

другом месте принесли бы неплохой доход. В другом месте – да, но не у Регины, черт бы ее побрал, эту Чумарову. Девочки называют ее, Зосю, Золушкой, а Регину всякими бранными словами. От этого если и становится легче, то ненадолго. Здесь ей не пробиться. Но мысль о том, что нужно срываться с места, куда-то ехать, начинать все с нуля, ее пугала. Инерция засасывает как болото.

Нужно уехать, говорила она себе. Нужно уехать, но куда, к кому? Ее никто нигде не ждет. Да и возраст со счетов не скинешь… самый опасный, между юностью, когда все по фигу, а впереди прекрасное далеко, и зрелостью, когда приходит усталость и понимание. И страх, и неуверенность. А ты посередине, и тебя разрывает на части. Сегодня стаскиваешь с антресолей чемодан, собираясь начать жизнь сначала, а завтра добираешься домой с работы, и в голове только одна мысль – под горячий душ и в постель.

За три долгих года, пока болела мама, она растеряла всех своих подружек. Дура. Ей казалось, что ее жалеют. Не казалось, а действительно жалели. А она сама не пожалела бы? Ну и что? Давно пора понять, что жалость вовсе не унизительна, классик ошибался. Жалость к ближнему, сострадание, милосердие очищают душу. Все молодые – экстремисты и мыслят исключительно в черно-белой тональности. Жалость унизительна, небо голубое, снег белый, все будет хорошо! Сегодня в Зосиной палитре осталась лишь одна краска – серая. И она уже не против жалости. Какое, должно быть, блаженство уткнуться в дружескую жилетку и всласть порыдать.

Мысли ее снова закрутились вокруг отъезда. Сейчас, когда мамы больше нет… Четыре года уже прошло, а она все просыпается по ночам – слышит мамин голос, зовущий ее… Самое время уехать. Особенно теперь, пока никто ничего не знает. Удрать и забыть все как страшный сон.

Она свернула в свой двор – пятачок, окруженный многоэтажками, с песочницами с нечистым песком, поломанными детскими горками и чахлыми кустиками. Стены домов напоминали гигантские шахматные доски. Черная клетка, белая клетка. Освещенное окно, темное окно. В дрожащем белесом небе над их двором даже звезд не бывает. Им неинтересно смотреть вниз. Ничего хорошего они здесь не увидят.

Когда она заметила мужчину, стоящего за деревом у ее подъезда, оказалось поздно сворачивать в сторону. Да и некуда сворачивать. Ее дом – последний в квартале. Дальше – пустырь. Застройка прекратилась лет пятнадцать назад, и

пустырь зарос по самые уши репейником, цикорием и лебедой. Соседка сверху пасет на пустыре козу. Летом коза живет на балконе, а зимой в квартире. Зосе слышно, как она дробно топочет копытцами по полу.

Мужчина шагнул ей навстречу, и девушка испуганно попятилась.

– Извините, – пробормотал он, – я вас напугал. Вот! – Он протянул Зосе конверт. – Здесь остаток. Мы в расчете. Будет лучше, если вы обо всем забудете. Мы не встречались, вы меня никогда не видели. Никогда, слышите?

Он наклонился вперед и заглянул ей в глаза. Зося почувствовала дурноту и молча кивнула. Говорить она не могла.

«Сейчас он меня убьет, – подумала она. – В конверте не деньги, конверт для отвода глаз, чтобы я не закричала».

– Пожалуйста, – прошептала она, заслоняясь рукой. – Пожалуйста… не нужно…

Мужчина сунул конверт ей в руку и, не оглядываясь, быстро пошел со двора. Она стояла и смотрела ему вслед, пока он не растворился в сгущающихся сумерках, и на душе у нее было гадко…

* * *

Новый год Зося встречала одна. В одиннадцать надела платье, сшитое собственными руками, накрасилась, взбила короткие светлые волосы, улыбнулась себе в зеркало. Улыбка получилась печальная, чтобы не сказать, жалкая. Накрыла на стол, поставила два прибора. Достала два тяжелых хрустальных фужера для шампанского – один красный, другой синий. Осколки былой роскоши. Для себя и для прекрасного незнакомца.

В половине двенадцатого нежно тренькнул дверной звонок. Зося подумала, что ошиблись дверью. Даже не спросив кто, она открыла. На пороге стоял Гриша Донцов, сокурсник по институту, которого она не видела со дня смерти мамы. Всю жизнь, по причудливым капризам судьбы, они пересекались, словно связанные тонкой нитью. Пересечения эти носили случайный характер и никуда не вели. Когда-то Гриша был старостой их курса и душой студенческой

компании. Он пел под гитару, танцевал классическое танго, опрокидывая визжащую партнершу, устраивал скорые студенческие междусобойчики после занятий, вывозил их на пикники в лес и в походы на байдарках. Без Гриши не обходилось ни одно мероприятие в институте, без него вообще ничего не обходилось. Он мирил влюбленных, доставал экзаменационные билеты с готовыми ответами и контрольные работы, как лев, сражался с деканатом за стипендии. Преподаватели в нем души не чаяли, от девочек проходу не было. Но как часто бывает с такими «золотыми» мальчиками, он не состоялся в жизни. Несколько раз женился, часто менял места работы. Говорят, стал пить.

Лихорадочный жизненный ритм утомил Гришу. Он стоял на пороге Зосиной квартиры плешивый, с потрепанной физиономией, широко улыбаясь. Его длинный, чуть кривой нос, казалось, стал еще длиннее. Стоял, сжимая в одной руке старую пыжиковую шапку, в другой – яркий пакет с шампанским. В глазах его была неуверенность. Зося растерянно смотрела на Гришу.

– Вот, пришел, – сказал он. Улыбка его стала еще шире. – С Новым годом, Зосенька!

Она все так же молча посторонилась. Гриша переступил порог, почувствовал себя увереннее. Похоже, он не сильно удивился бы, если б его прогнали.

Он передал ей пакет с шампанским, снял потрепанную дубленку, со стуком сбросил ботинки, оставшись в голубых шерстяных носках. Потирая руки, прошел в гостиную.

– О! Меня, я вижу, ждали!

От его неуверенности не осталось и следа. Он вдруг стал похож на прежнего Гришу, развязного, веселого, остроумного.

– Ну, здравствуй, малыш! – Он протянул к Зосе руки, обнял, поцеловал в щеку. – Сколько лет, сколько зим! Ты прекрасно выглядишь, Зосенька! Дураки мы, мужики!

Ему не пришло в голову, что она может кого-то ждать. Он не подумал, что у нее есть мужчина, для которого накрыт стол. По глупости? Или по другой причине? Или на лице ее прочно осело выражение безмужней бабы, которое с ходу

просекает любой опытный мужик? Стигма[1 - Стигма – здесь: знак, клеймо.] вечной девственности? И даже стол, накрытый на двоих, не убедил его в обратном?

Они встречались когда-то на первом курсе. С месяц примерно. Потом разбежались на летние каникулы и потеряли связь. Ленка Горохова сказала ей тогда:

– На Гришу не рассчитывай. Донцов у нас народное достояние.

Зося с замиранием сердца ожидала, что Гриша позвонит, но он так и не позвонил. А в сентябре они пересеклись на ходу в студенческой столовке, обменявшись коротким: «Привет!» Он не назвал ее по имени, и Зося поняла, что Гриша забыл, как ее зовут.

Сразу после смерти мамы она наткнулась на Гришу в центральном гастрономе. Он остановил ее и спросил: «Как дела, малыш?» И хотя стал он изрядно плешив, у него оказались все те же ласковые карие глаза и приятный низкий голос, полный участия. Как сказала однажды та же опытная Ленка Горохова: Гриша умеет внушить женщине мысль, что она у него единственная. Зося расплакалась прямо в гастрономе. Гриша смотрел с состраданием. Их толкали. Он проводил ее домой и остался с ней на два дня. И хотя после этого он исчез, она благодарна ему за участие. Он был ласков, нежен, называл ее красавицей и, главное, слушал, давая выговориться.

Это случилось четыре года назад. Она ни разу не встречала Гришу с тех пор.

Без пяти двенадцать Гриша открыл шампанское. Пробка взлетела под потолок.

– За нас! – воскликнул Гриша, и это ровным счетом ничего не значило. Это не значило, что они теперь вместе и будущее у них одно на двоих.

Гриша оживился, раскраснелся, так и сыпал анекдотами. Зося хохотала до слез, пила шампанское. Он поминутно целовал ее то в щеку, то в губы, легко и нежно прикасаясь влажными, пахнущими водкой губами. Он уже выпил где-то, возможно, в другой компании, и только богу одному известно, почему он ушел оттуда. Может, выгнали. В сознании Зоси невнятно зрела мысль о том, что… Ну и пусть! Пусть даже такой, как Гриша, вечный мальчик, непостоянный, гулена,

лишь бы не быть одной… Лишь бы не одной, черт побери!..

Гриша быстро уснул, а она лежала без сна, прислушиваясь к его храпу, испытывая удивительное чувство покоя и уюта. Она представляла себе, как они встанут за полдень, она накроет на стол…

Зосю разбудил шум – что-то где-то упало. Было еще темно, Гриши рядом не оказалось. Набросив халат, она выскользнула из спальни. Он обувался в прихожей, в жидком молочном свете плафона. Уходил по-английски, не прощаясь. При виде Зоси он неловко поднялся.

– Я не хотел тебя будить, – пробормотал он, багровея. – Я пойду, ладно?

Виноватые ласковые глаза, потрепанная физиономия, длинный, обвисший, гротескный нос. А она-то решила, идиотка…

Гриша чмокнул ее в щечку и ушел. Зося слышала, как он сбежал вниз по лестнице, не дожидаясь лифта. Словно боялся, что она бросится за ним вдогонку. Зося вернулась в спальню, села на кровать. Часы показывали семь утра.

– Только не надо трагедий, – сказала она себе. – Скажи спасибо хотя бы за это. И не вздумай реветь. В твои годы от слез портится кожа.

Посидев еще немного, она сгребла мятое постельное белье, пахнущее чужим человеком, и запихнула в стиральную машину. Достала из комода свежее. Потом долго стояла под душем, подставляя лицо под горячие струи, смывая Гришины поцелуи…

Глава 7

Следствие продолжается

– Да я вам все уже рассказал. – Речицкий откинулся на спинку стула. – Я подошел, они были вместе, Юра и Лида. Нормально стояли, разговаривали. Не

ссорились, ничего такого. Я еще ей руку поцеловал. Ее аж передернуло. Она меня не очень жалует… жаловала. По причине отсутствия к ней интереса, что бабам всегда обидно. Она была не в моем вкусе. Всегда недовольная, вечные претензии… Мне нравятся женщины веселые, пикантные, я и сам веселый. Юрка потому по бабам и бегает, что домой идти не хочет. Но я вам типа ничего не говорил. Не будем вытаскивать из шкафа семейный скелет, так сказать. Хотя все в курсе. Вы расспросите Регину, они вроде дружили. Хотя что бабы понимают в дружбе? Одни сплетни.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Стигма – здесь: знак, клеймо.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bachinskaya_inna/ubiyca-manekenov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить